

Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2010
Номер выпуска: 45
Заглавие: Школа у погоста
Автор: В. С. Величев

На старой окраине Таганрога, в криминальном после войны районе, там, где улица Карла Либкнехта соседствует со старым городским кладбищем, стояло четырехэтажное, мрачное здание довоенной постройки без особых архитектурных излишеств. Своей громоздкостью и строгими геометрическими формами оно выделялось на фоне окружающих застроек частного сектора и производственных корпусов расположенного поблизости трамвайного парка.

Аскетичный архитектурный «монстр» и кладбище разделял разрушенный временем забор. После Великой Отечественной войны в этом здании разместилась 32-я мужская средняя школа. Она и сейчас находится там, только давно перестала быть чисто мужской.

Первый раз в первый класс

В сентябре 1951 года я поступил в первый класс этой школы. Это была не просто средняя общеобразовательная школа, а с дополнительным производственным обучением. Моей первой учительницей стала Варвара Антоновна Гринькова. Интересное это было время. К занятиям мы, мальчишки младших классов, допускались только подстриженные наголо, с подшитым чистым белым подворотничком. Нам это не нравилось, но приходилось подчиняться законам советской школы. С появлением в старших классах девочек эта норма была отменена.

Соседство с городским погостом вносило в наш школьный быт своеобразный колорит и долю приключенческой романтики. Кладбище обладало какой-то магической силой и манило к себе независимо от времени года и наших желаний. Разоренные кладбищенские склепы являлись отличным пристанищем для злостных прогульщиков уроков и малолетних курьезщиков. Они были надежным укрытием от зорких глаз школьных блюстителей порядка, «сканирующих» территорию кладбища с верхних этажей здания. На кладбище бегали и на большой перемене, и после уроков, когда домой можно было не спешить. А еще сюда сбегались со всего города птицеловы разных возрастов.

Там, где стояли их силки, лучше было не появляться. За отпугивание птиц ловцы пернатых могли запросто надавать по шее.

Была у нас и своеобразная поисковая игра, в которой побеждал тот, кто находил более древние памятники захоронений. Нас поражали и приводили в трепет монументальные надгробия таганрогских купцов. Многие были изготовлены из черного мрамора в виде «древа жизни» с обрезанными ветками. Мертвое дерево символизировало конец человеческой жизни. Любой из нас мог быть достойным экскурсоводом по знаменитым захоронениям. Особый интерес у нас вызывал памятник итальянской певице Деметти в виде часовни, с ангелом наверху, у которого в одиннадцать часов вечера «...молодое, изящное и, вероятно, чистое существо Екатерина Ивановна» назначала свидание чеховскому Ионычу.

Спустя много лет, после службы в Афганистане, я решил провести своего сына по старому, к тому времени уже не действующему кладбищу, где захоронен мой дед. Возмущению не было предела, когда я увидел, что многие надгробия подверглись разрушению и осквернению, а памятник Деметти вообще исчез с погоста. Но не будем о грустном.

Непритязательность внешнего вида школы с лихвой компенсировалась прекраснейшим учительским коллективом. В старших классах из всего преподавательского состава особенно выделялись двое - завуч, учитель русского языка и литературы Т.Е. Баева и наш классный руководитель, преподаватель математики и черчения И.Ф. Гризодуб.

Две неординарные, выдающиеся личности вели между собой необъявленную «войну» за лидерство среди учеников нашего класса. Высокий профессионализм и глубокое знание

своих предметов позволяли им с блеском воплощать в жизнь свои «коварные» планы. От такого соперничества мы только выигрывали. В итоге из 27 учеников нашего класса 11 получили медали - 6 золотых и 5 серебряных.

Если Татьяна Емельяновна восхищалась легкостью поэзии А.С. Пушкина, то Иван Федорович предпочитал стихи М.Ю. Лермонтова, утверждая, что только ранняя гибель Лермонтова не позволила ему превзойти гений Пушкина.

Внешне они разительно контрастировали. Татьяна Емельяновна выглядела малопривлекательной стареющей женщиной. Редкие, короткие, седые крашенные волосы, женские усы на верхней губе, неопределенный цвет кожи и желтые зубы от чрезмерного увлечения курением не придавали ей обаяния. Ее лицо, вероятно, никогда не знало косметики. Зато за эту косметику от нее доставалось девчонкам-модницам нашего класса. Ее фанатичное пристрастие к папиросам «Казбек» приводило к тому, что она позволяла себе снимать успевающих учеников с уроков и, снабдив их деньгами, посылала в магазин за поступившим «Казбеком», дабы этот дефицит не исчез с прилавка.

В оценке ее внешности, наверное, проявлялся мой юношеский максимализм. Но справедливости ради надо отметить, что все эти недостатки она с лихвой перекрывала ведением уроков. Каждый ее урок проходил как мастер-класс по изучаемым темам. Она заставляла нас наизусть учить целые главы из «Евгения Онегина». Как я благодарен ей за это, так как до сих пор могу блеснуть своей эрудицией при общении с людьми, особенно с молодежью. Она в совершенстве владела не только литературой, но и прекрасно знала историю Таганрога.

В моей памяти до сих пор сохранились экскурсии по историческим местам города. Благодаря ее активности наш 9-й класс в 1960 году присутствовал на открытии памятника к 100-летию А.П. Чехова.

Осваиваю столярное дело

На плечи нашего класса легло воплощение школьной реформы 60-х годов - одиннадцатилетнее обучение с одновременным производственным обучением. Три учебных года по понедельникам и четвергам мы проходили практику на авиационном заводе им. Димитрова. Я был распределен в столярный цех завода, где изготавливались деревянные макеты будущих самолетов-амфибий марки «Бе» в натуральную величину. Но однажды в цех поступила заявка на изготовление... гроба для умершего работника завода. Так как мой наставник был загружен срочной работой, то это ответственное задание поручили мне. Наставник помог выполнить разметку досок, меня допустили к работе на деревообрабатывающих станках, и работа закипела. К обеду прибыли заказчики и за качественно изготовленное изделие отблагодарили моего наставника тремя рублями (цена бутылки водки тех лет). Деньги он отдал мне, а на мой категоричный отказ взять их заявил: «Не смущайся, бери. Ты их честно заработал». В обед в заводской столовой мы на эти деньги пообедали с ребятами из класса.

По окончании практики на заводе мне присвоили специальность столяра 2-го разряда. Свои впечатления о практике я изложил в сочинении. Татьяна Емельяновна, прочтя его, нашла нужным опубликовать его в заводской многотиражке «Димитровец». Так впервые я прикоснулся к литературному творчеству. Она сумела раскрыть и развить талант литератора и в моем однокласснике, деревенском парне Николае Малинском, впоследствии ставшем профессиональным журналистом, корреспондентом газеты «Таганрогская правда», который, к сожалению, преждевременно ушел из жизни.

С математикой по жизни

В отличие от Татьяны Емельяновны Баевой, Иван Федорович Гризодуб внешне представлял собой обаятельного мужчину в расцвете лет. Его украшала шевелюра вьющихся волос с великолепным казацким чубом. Он тоже увлекался курением, но это было ему к лицу. Иван Федорович умел находить с нами контакт. Общался он открыто, по-мужски, вплоть до рассказа скабрезных анекдотов. Такая политика позволяла ему пользоваться авто-

ритетом даже у школьных хулиганов. Свой предмет он любил до фанатизма. Учил нас навыкам быстрого устного счета при проведении математических расчетов. Это сегодня современная молодежь два простых числа не может сложить без калькулятора, а умножение и деление в уме для них просто недостижимы. А тогда мы запросто оперировали двузначными, трехзначными числами, не прибегая к помощи бумаги и ручки.

Разработанные Иваном Федоровичем наглядные пособия позволяли быстро и качественно усваивать сложные азы алгебры и геометрии. У него были свои особые методы преподавания. Например, при написании контрольных работ, после распределения вариантов, он делал вид, что выходит из класса в свой математический кабинет, расположенный рядом. В тот момент, когда определенная часть класса группировалась вокруг местных корифеев математики для разбора своих вариантов, он внезапно появлялся в дверях класса со словами: «Я служил в разведке, меня не проведешь». Класс моментально приходил в исходное состояние, и каждый последующий его уход из класса держал всех в напряжении.

К списыванию он относился довольно своеобразно. Он говорил, что двойку ставит не за то, что списывал, а за то, что списывал, не понимая. Классическая фраза учителя-профессионала. Помимо блестящего знания математики он изумительно чертил, разрабатывал и изготавливал наглядные пособия по алгебре и геометрии. За это на ВДНХ ему вручили две серебряные медали. В этих медалях есть и частица моего труда.

В школе практически каждый преподаватель-предметник возглавлял, причем безвозмездно, свой профильный кружок. Дело доходило до того, что на каждого ученика приходилось по несколько кружков. Занимаясь у него в математическом кружке, я приобрел навыки практического применения математических знаний в жизни.

Однажды в школе случился пожар. И печальная участь постигла легендарные пособия нашего математического кружка - они полностью сгорели. А жаль, мог бы получиться интересный музей школьных экспонатов как результат удачного сочетания преподавательского мастерства и умелых рук учеников.

С тех пор прошло много лет, но школьные годы не забываются. Невозможно забыть и школьных учителей, которые не только давали нам знания, но и вкладывали в нас свои души. И никто из них не жаловался и не причитал по поводу очень скромной заработной платы. Все тогда жили в одинаковых условиях.

Меняются времена - меняются приоритеты. Школа первого десятилетия XXI века значительно отличается от школы середины прошлого века. В наших учебных программах еще присутствовали остатки старых гимназических программ, дававших глубокие академические знания, но на первом месте все равно оставалась высокая духовность. Современная школа совершенно иная, но будем надеяться, что пройдут годы, и школа как институт знаний и воспитания молодежи преодолеет болезни роста и вновь обретет свое первостепенное значение.

«Нас встретили радушно»

(Опубликовано в многотиражке «Димитровец» в 1959 г.)

Мне очень хотелось увидеть завод, побывать внутри, увидеть огромные станки своими глазами. Наконец в понедельник мы должны были прийти на завод к восьми часам. Утром я проснулся рано и никак не мог дождаться желанного времени. И вот я иду в толпе рабочих, которая оживленно шумела и быстро двигалась к проходной. Чувство, которое я испытывал в то время, появилось у меня впервые. Я гордился тем, что иду в этой лавине людей. Некоторые говорили о новостях, недавно услышанных по радио, некоторые о чем-то оживленно спорили. Все рабочие направлялись к проходной. И я тоже, как и все рабочие, получил пропуск.

Советские рабочие не похожи на рабочих, описанных А.М. Горьким в романе «Мать». То были рабочие, выбегавшие из своих хатенок, подхлестываемые гудком, не успевшие за ночь отдохнуть от тяжелой изнурительной работы. Они снова должны были работать в нечеловеческих условиях, работать четырнадцать часов. За свой изнурительный труд они по-

лучали гроши, которые пропивали в кабаке, чтобы как-нибудь заглушить в себе тоску и усталость. Советские рабочие культурно проводят время. Они посещают кино, театры, Дворцы, парки. Об этом я думал, подходя к цеху.

Цех оказался светлым и просторным. В нем - ровные ряды станков. Там были разные станки: токарные, фрезерные, строгальные и карусельные. На всех тумбочках, в которых находилась одежда рабочих, стояли цветы. На стенах цеха висели плакаты, призывающие к перевыполнению плана. В цехе стоял запах масла и шум станков. Нас очень интересовало, как нас встретят. Рабочие встретили нас радушно. Мастер прикрепил каждого из нас к рабочему, у которого мы должны будем научиться работать и любить труд.

Я познакомился с одним из рабочих и стал следить за работой, которую он выполнял. Мне назвали части станка и что на этом станке можно изготовить. Я все время помогал рабочему вставлять заготовки в станок и зачищал только что сделанные детали. Мне хотелось весь день помогать рабочему, но настало время, когда мы должны были уходить из цеха. Но уходить не хотелось. Все здесь было для меня ново: и станки, и коллектив рабочих, в который я влился, и шум, характерный только для цеха. Мне очень понравилось на заводе. Я горжусь тем, что и частица моего труда послужит выполнению семилетнего плана.